

Борис Степанов, Святослав Костенко

«ЭТО ВСЕ МОЕ, РОДНОЕ»: КРАЙ И ЕГО ИСТОРИЯ В ШКОЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ПОСОБИЯХ 1960–1980-Х ГОДОВ¹

Краеведение как практика производства локального знания изучено достаточно неравномерно. Стремясь компенсировать дефицит исследований школьного краеведения, авторы статьи обращаются к компаративному анализу корпуса краеведческих пособий для средних школ, выпущенных в 1960-е — 1980-е гг. Отправной точкой для анализа выступает история краеведения в послевоенный период в контексте трансформации школьного образования. Сочетая качественные и количественные методы исследования, авторы дают эскизную характеристику процессам формирования корпуса краеведческих учебных пособий, показывают, как строится рассказ о крае и его истории. Опираясь на сформированный советской школьной картографией образ великой страны, краеведческие учебники этого периода разрабатывают дискурс малой родины, делая акцент на формировании эмоциональной принадлежности к краю. В отличие от дореволюционных и раннесоветских аналогов, в этих пособиях доминирует исторический нарратив о регионе. Этот нарратив в малой степени задействует дискурс наследия и делает акцент не на древности, а на героической современности. Еще одной специфической чертой этих пособий можно считать их слабую вписанность в систему краеведческих институтов и практик, а также скудость указаний на возможности активного освоения местного материала и взаимодействия с окружающей средой.

Ключевые слова: исследование учебников, краеведение, средняя школа, позднесоветский период, образ края, исторический нарратив, современность, наследие

Борис Евгеньевич Степанов, Университет Нантерра,
Париж, boris.stepanov@gmail.com

Святослав Максимович Костенко, Высшая школа экономики (Культурные исследования) НИУ ВШЭ, Москва, svyatoslav.kostenko@gmail.com

Несмотря на то что анализ исторических и географических нарративов достаточно давно выступает одним из ключевых направлений в изучении учебной литературы, проблематика региональности лишь в последние годы завоевывает свое место в этом исследовательском поле. Это в полной мере относится и к изучению развития школьного краеведения на постсоветском пространстве². Впрочем, и здесь существуют свои диспропорции: если дореволюционные учебники [Матханова, Родигина, 2018] и особенно учебная и научно-популярная литература 1920-х — 1930-х гг. попадала в фокус внимания³, то разрозненный корпус пособий позднесоветского времени не вызывал интереса за пределами ведомственной аналитики и, тем более, не получал интерпретации в сравнительной перспективе⁴.

Несмотря на региональное разнообразие эти издания носят достаточно трафаретный характер. Тем не менее обращение к анализу этого корпуса представляет определенный интерес. Эти пособия позволяют реконструировать модель, которая отличается, с одной стороны, от предшествующих (и в том числе советских) формаций краеведческого дискурса, а с другой — от постсоветских краеведческих пособий. В нашей статье мы обратимся к изучению общих рамок и типичных приемов представления региона, призванных содействовать формированию чувства привязанности к родному краю. Принимая во внимание синтетический характер краеведческих пособий, комбинирующих фрагменты различных дисциплин, мы обратимся преимущественно к анализу того, как создается образ истории региона.

Реализация поставленной задачи связана с целым рядом ограничений. Прежде всего они связаны с большим объемом корпуса подлежащих изучению текстов. На протяжении выбранного периода практически в каждом из регионов СССР была сформирована линейка краеведческих пособий, предназначенных для разных ступеней образования. Многие из пособий переиздавались и дополнялись с различной периодичностью. Поскольку эти пособия выпускались региональными издательствами, то само выявление их корпуса представляет собой определенную техническую проблему. Поэтому наш анализ носит пилотный характер, а его результаты являются предварительными.

Анализируемый корпус учебных пособий был сформирован в ходе обследования фондов московских библиотек⁵. Наряду с полными текстами в него вошли метаданные о 214 учебных пособиях, которые используются нами в ходе количественного анализа. В кор-

пус включались как пособия, представляющие «историческое краеведение», так и те, в которых рассказ о природе региона совмещался с отдельными историческими сюжетами. Тексты исключительно природоведческой направленности в корпус не включались. Подавляющее большинство документов корпуса было издано в период с 1965 г. по 1985 г. Характерной, хотя и не повсеместной, являлась ситуация, при которой в одном регионе параллельно издавались две линейки краеведческих пособий, написанных разными авторскими коллективами. Первая (для нее типичны номинации «Записки из истории Родного края», «Родной край») предназначалась для средней школы, вторая, с более академической стилистикой названий («История края: с древних времен до наших дней»), — для старшей. В корпус попали обе линейки, а также дополненные переиздания, в которых исправлялись и дополнялись последние главы и параграфы. Наиболее ранний документ — книга Н. Протопопова «Наш город», посвященная Новосибирску — издан в 1951 г.⁶; а наиболее поздний — «История магаданской области с начала XX века по 1937 год» И. Бацаева — в 1991 г. В наш корпус попали учебные пособия о большинстве регионов РСФСР (в частности, 73 учебных пособия по истории национальных республик (Бурятия, Башкирия, Удмуртия и др.)⁷), что свидетельствует о повсеместном существовании краеведческой литературы. Особенно много пособий было выпущено в регионах Центральной (Рязанская, Ярославская, Московская области) и Южной России (Ростовская область, Краснодарский край) и в основном именно их мы используем для анализа исторических и географических образов.

В ходе исследования мы стремились выявить общие характеристики в представлении образа края и репрезентации его истории, проанализировать стратегии коммуникации создателей этих пособий с их читателями. Для более подробного разбора мы выбрали группу соответствующих изданий для начальной ступени обучения (3–4 класс), в который вошли 27 учебных пособий (из которых 25 представляют историческое краеведение, а в 2 исторические сюжеты занимают примерно равное количество страниц с главами по природоведению) и 3 методических. В разработке методологии мы ориентировались на идею сочетания количественных и качественных методов, которая утвердилась на сегодня в исследованиях учебной литературы [Carrier 2017]. Первая задача нашего исследования состояла в том, чтобы на основе собранных данных охарактеризовать корпус учебников в контексте истории позднесоветского краеведения. Далее мы обращаемся к анализу того, как

формируется образ края как малой родины. Это в свою очередь позволяет нам перейти к характеристике того, как в учебных пособиях данного типа представлен исторический нарратив, какое место в нем занимает описание различных исторических периодов. Полученные в ходе исследования выводы ограничены рамками данного материала и не могут быть экстраполированы на всю совокупность практик школьного краеведения. Изучение последнего требует формирования обращения к другому корпусу материалов, более обширному количественно и разнообразному содержательно.

Школьное краеведение в советский период

Расцвет школьного краеведения в 1920-е гг. был связан с попытками последовательной реализации принципа локализации в соединении с принципами «прогрессивной» педагогики, прежде всего американской. Возможность сближения школы и жизни и повышения активности учащихся идеологи образования видели в отказе от традиционной предметно-урочной системы. Они критиковали традиционные формы учебной литературы (в частности, идею учебника) и ориентировались на комплексность как ведущий принцип организации учебного процесса, обращаясь к практикам освоения ближайшего окружающего мира (экскурсии, обследования и т. д.) [Степанов 2021; Степанов 2022; Степанов 2023]. Свертывание краеведческого движения в конце 1920-х — начале 1930-х гг., сопровождавшееся разгромом его актива, привело и к трансформации школьного краеведения. В частности, как отмечал исследователь П. В. Иванов, в 1930-е гг. были практически ликвидированы школьные краеведческие музеи [Иванов 1966, 150]⁸.

В процессе огосударствления краеведения, которое происходило на протяжении первой половины 1930-х гг., в качестве приоритетных для него были обозначены задачи «воспитания масс в духе советского патриотизма и верным помощником советских и хозяйственных органов в деле изучения наших необъятных просторов и несметных богатств нашей Родины» [Козлов 2013, 78]. Интересно, что, описывая развитие школьного краеведения, авторы советских исследований часто ссылались в качестве отправной точки на постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором давалась новая установка и говорилось о необходимости внедрения в школьные программы «элементов краеведения СССР» [Ставровский 1954; Матрусов 1963].

Попытки реабилитации краеведения носили волнообразный характер. В сфере образования его возрождение началось во время войны, а развернулось преимущественно в послевоенное время, прежде всего, усилиями как методистов-географов, так и методистов-историков. Симптоматично, что в это время заметную роль в поддержании преемственности идей краеведения сыграли участники краеведческого движения 1920-х гг. — Н. П. Анциферов, А. С. Барков, А. Ф. Родин, И. С. Юньев, П. В. Иванов⁹. Важным событием для возрождения школьного краеведения стало создание в 1943 г. Академии педагогических наук, которая начала работу комиссии по школьному краеведению [Иванов 1966, 9]. Идеи краеведения поднимаются на знамя в контексте «борьбы с формализмом» и воспитания советского патриотизма [Строев 1974; Любичанковский 2020]¹⁰. При этом оно мыслится преимущественно как одна из форм внешкольной работы [Солонович 2021]. Не будучи привязанной к учебному плану и ориентируясь скорее на формат кружков и секций, эта программа краеведческой работы не предполагала создания корпуса традиционной учебной литературы¹¹.

Вероятно, именно в послевоенный период краеведение становится тесно связано с туризмом, одной из миссий которого видится экспедиционное обследование малоизученных территорий. Именно так оно описывалось в фундаментальном двухтомном «Справочнике туриста и краеведа» (1949), который вышел под редакцией академика С. В. Обручева и представлял собой руководство по организации естественнонаучных экспедиций. В 1951 г. под редакцией того же Обручева вышло пособие «Изучай свой край», которое адаптировало эту программу для начинающих. Предлагаемая читателям работа по обследованию природных богатств страны, а также по археологическому и историческому изучению местностей, не имела привязки к конкретному региону и делала упор на практику туристических походов¹². Впрочем, эта программа поддерживалась и на уровне регионального книгоиздания. Так, в областных издательствах выходили серии «Изучай свой край» (Москва, Кострома, Томск), «Люби и знай свой край» (Воронеж), в том числе, и специально ориентированные на школьников, например, «Библиотека школьника-краеведа» (Новосибирск).

В середине 1950-х гг. возрождение краеведческих традиций 1920-х гг. постепенно входит в сферу общественных дискуссий. В 1954 г. в курсы географии 7-го класса вводится тема «Изучение своей области (края, республики)» [Цепляева 1972, 12]. Ключевую роль в развитии школьного краеведения сыграл закон «Об укреп-

лении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый в конце 1958 г. Верховным Советом СССР и положивший начало масштабной реформе школы [Coumel 2014]. Несмотря на то что основной акцент реформы делался на приобщение учащихся к труду, сама идея «укрепления связи школы и жизни» создавала благоприятные условия для реабилитации идей краеведения 1920-х гг. и использования их для реформирования образовательной практики. Параллельно активизировалась издательская¹³, библиотечная¹⁴ и музейная¹⁵ работа в области краеведения [Донован 2012, 384]. Важную роль здесь сыграло развитие туризма и системы охраны культурного наследия, важной составляющей которой становится созданное в 1966 г. ВООПиК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры). Тесную связь туристической ветви краеведения с формированием проблематики наследия демонстрирует вышедшее в этом же году пособие И. С. Юньева [Юньев 1966; Юньев 1974]. Одновременно продолжает развиваться и внешкольное краеведение. Здесь представляется показательным появление всесоюзных форматов туристической активности. Однако преимущественно они были связаны уже не естественнонаучными студиями, как в 1940-е — 1950-е гг., но в большей степени с исторической тематикой¹⁶. Примером могут быть Всесоюзные экспедиции пионеров и школьников, проходившие в 1956–1967 гг. и посвященные значимым юбилейным датам советской истории [Строев 1974, 26–27]. С 1973 г. действовала туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина — СССР», которая проводилась по нескольким направлениям: «Памятные ленинские места», «Дорогой Великого Октября», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Будни великих строек», «Ордена Родины — на знамени комсомола», «Дорога дружбы», «Искусство принадлежит народу», «К тайнам природы» [Мельникова 2018; Дианова 2009].

В 1961 г. Министерство просвещения РСФСР издает приказ «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школ», которое стало стимулом для более основательного проникновения краеведения в учебные планы школ [Строев 1974, 29]. Уже к 1965 г. было выпущено несколько десятков подобных пособий в различных регионах [Обзор 1965].

Первоначально этот процесс был связан преимущественно со сферой географического образования. Речь идет не только о повышении значимости местного материала и преподавании географии отдельных областей, краев и республик в старших классах шко-

лы. Существенное значение имело и включение в 1959 г. в учебные планы начальной школы (более конкретно в программу обучения в 4 классе) нового предмета «природоведение»¹⁷. Природоведение было призвано сделать синтетической и более доступной трансляцию знаний по естествознанию и географии, которые до этого существовали в программе начальной школы как отдельные дисциплины.

Краеведческие темы включают и в школьные курсы по отечественной истории (4-й и 7–10-е классы), однако это происходит несколько позже сравнительно с географией — в 1966–1967-х гг. Однако первым импульсом в этом отношении стало принятое 8 октября 1959 г. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории», в котором, в числе прочего, подчеркивалась важность изучения истории края. Одним из главных результатов этого постановления в плане трансформации учебных планов стало изменение концепции преподавания истории в 4-м классе. Для того, чтобы сделать курс истории более завершенным и доступным пониманию учащихся, была предложена концепция «Эпизодические рассказы по истории СССР», предполагавшая и краеведческий компонент. В связи с этим начиная со второй половины 1960-х гг. начинают выходить учебные пособия по истории отдельных регионов, которые формируют параллельный географическому корпус исторических краеведческих изданий¹⁸.

Предварительный анализ динамики выхода учебных пособий, проведенный на основе собранного нами корпуса изданий, позволяет выделить несколько периодов роста публикационной активности в области выпуска школьной краеведческой литературы (рис. 1). Первый из них приходится на первую половину 1960-х гг., т. е. на время начала формирования этого корпуса изданий. Наибольшей активности эта работа достигает к середине 1970-х гг., некоторый всплеск наблюдается также накануне перестройки, после чего интенсивность выхода этой литературы идет на спад.

Учебные пособия 1960-х — 1980-х гг.

а) образ родного края

Формирующаяся линейка краеведческих учебных пособий демонстрирует специфическую конфигурацию взаимодействия местного и общесоюзного компонентов. Эти книги издаются преимую-

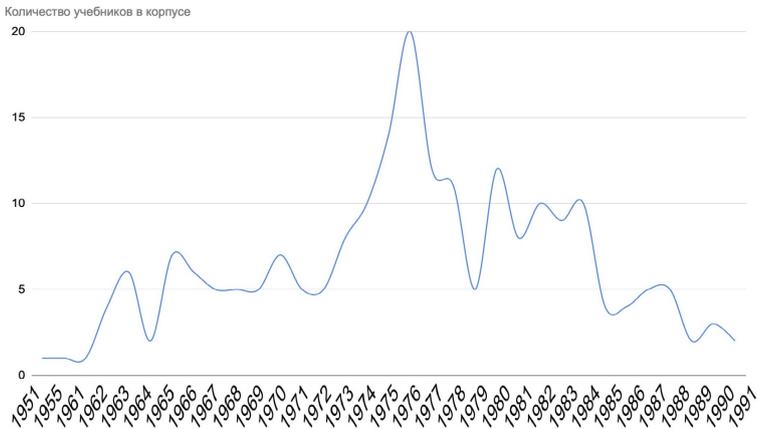

Рис. 1. Информация о годах издания учебников, попавших в корпус

шественно региональными издательствами и, вместе с тем, производят с большими или меньшими вариациями достаточно стереотипную матрицу краеведческого дискурса. Анализ корпуса заглавий учебников показывает, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода активно используется слово «край» [Кацюба 1993]¹⁹. Иногда это использование вызвано наименованием самого региона, о котором идет речь в учебнике («История Алтайского края»), однако слово используется и в других случаях («Из истории Курского края», «Ярославский край в истории СССР», «История родного края» и т. д.). Это существенно отличало позднесоветские пособия от краеведческих учебников 1920-х гг. Эти учебники далеко не всегда имели привязку к конкретному региону, а приоритетным объектом в них обычно выступали деревня или город. В дидактическом плане учебники 1920-х гг. предполагали более активное взаимодействие с окружающим пространством [Степанов 2022]²⁰. Позднесоветские краеведческие учебные пособия, изданные в самых разных регионах, стандартно начинаются с констатации того, что «край — часть советской Родины»²¹. Таким образом, в качестве Родины здесь представляется СССР. Очень часто при этом они апеллируют к опыту знакомства с картой, который уже должен быть у учащихся даже младших классов [Орлова 2007].

Характерной чертой как заглавий, так и текстов учебных пособий является частая апелляция авторов текста к чувствам и эмоциям

читателя. Для того чтобы обозначить эту коммуникативную стратегию, мы используем понятие «эмоционального менеджмента». Под «эмоциональным менеджментом» мы понимаем риторические конструкции, в которых авторы учебных пособий указывают, что определенные эмотивы (т. е. вербальные формы выражения эмоций [Reddy 1997; Tsyrlina-Spady, Lovorn 2017]) являются нормативными (например, выражение «нужно гордиться достижениями края в развитии сельского хозяйства»). Данное понятие перекликается с предложенной Сергеем Ушакиным концепцией «аффективного менеджмента истории» [Oushakine 2013]. Однако в отличие от последнего, мы изучаем не практики и перформативные механизмы создания общности людей, вспоминающих события прошлого, а тексты учебных пособий и риторические приемы в них. В предельных случаях текст учебника может быть своеобразной эмоциональной инструкцией, в которой читателю рассказывается, что он должен любить, чем гордиться, а чему, наоборот, противостоять.

Свой край представляется в качестве малой родины, хотя сама эта речевая конструкция не используется. Зато и заглавия учебников, и вводные тексты реализуют своего рода эмоциональный менеджмент, указывая читателям на то, как они должны относиться к краю и какие эмоции испытывать. Это происходит за счет использования ярких определений («Край родной, навек любимый», «Край мой — гордость моя», «Край мой любимый», «Знай свой край», «Наш любимый край», «Край, который я люблю»), а также притяжательных местоимений, маркирующих общность как всех жителей края, так читателя и автора пособия («Наша родная Брянщина», «История нашего края», «Из истории нашего края», «Край наш Тульский» и т. д.). Подобные риторические стратегии характерны для учебников, предназначенных для младшей школы (3–4-е классы); формулировки учебников для старших классов более нейтральны. Таким образом, известная формулировка С. О. Шмидта «Краеведение — это не только краеведение, но и в первую очередь краеведение» имплицитно присуща модели позднесоветского краеведческого пособия в отличие от его предшественников, где эмоциональная составляющая редко выражена с такой определенностью²².

Подобный эмоциональный менеджмент продолжается непосредственно в текстах учебников, где происходит конкретизация предмета любви, ее причин и связи эмоций и образовательного процесса. Наиболее красноречиво выражают это авторы посо-

бия о Куйбышевской области «Край родной — навек любимый»
Е. И. Медведев и М. П. Виданов:

И правда — можно ли не любить родной край? Край, где ты родился, где ты пошел в школу... край, где ты живешь? Нельзя. Но можно ли по-настоящему любить то, чего ты не знаешь? Тоже нельзя. Вот и получается, что одно без другого невозможно. <...> Ты, конечно, любишь свой отчий край. Но хорошо ли ты знаешь его? <...> И, узнав все это, ты еще сильнее полюбишь свой отчий край [Медведев, Виданов 1975, 1].

Хотя цитата, приведенная выше, наиболее ярко иллюстрирует способы эмоционального обращения к читателю учебного пособия, подобные коммуникативные приемы встречаются в корпусе повсеместно как в текстах вступлений, так и в основных учебных главах:

Повседневным трудом, отвагой и доблестью отмечены страницы истории пензенской земли, которые тесно связаны со всей историей нашей великой Отчизны. И чем дороже нам родной край, тем лучше мы должны знать его прошлое, настоящее и будущее [Кулагин 1975, 4].

Юный ленинградец! Тебе хранить красоту нашего города, продолжать и развивать своим трудом славные традиции отцов и дедов. Но хорошо трудится тот, кто многое знает. Упорно приобретай знания, они помогут тебе стать достойным гражданином нашего великого социалистического Отечества. Будь всегда и во всем достоин высокого имени — ленинградец! [Лебедева 1981, 6].

Любовь к Родине всегда связана с любовью к родным местам — к своему городу, селу, где человек родился, вырос и живет [Востриков, Востриков, Дудорова, Шептуховский 1990, 4].

Таким образом, можно говорить о том, что основной задачей уроков краеведения авторам учебников видится воспитание школьников, формирование у них особого отношения к региону и СССР («любить свой край — это значит хорошо знать его природу и историю!» [Кострица 1984, 3]).

В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о том, как создается образ «родного края», который выступает объектом знания и любви. В отличие от 1920-х гг., школьное краеведение 1960-х–80-х гг. развивается в привязке к устоявшейся предметной сетке. Соответственно, пособия ориентированы на программы определенных предметов — прежде всего географии/природоведения и истории, а также биологии [Очерки 1987;

Очерки 1988]. В сочетании исторического, биологического и географического элемента пособий существует определенная вариативность. В конкретных пособиях один из этих элементов может преобладать: где-то на первом месте оказываются природоведческие разделы, в других — исторические. Природоведческие разделы преимущественно воспроизводят структуру географических курсов, описывая ландшафт региона, включая водоемы, климатические условия, растительность и животный мир. С точки зрения эмоционального менеджмента важным элементом становится тема охраны природы, которая подчеркивает необходимость заботы об окружающей среде. Значимость охраны природы может обосновываться ссылками на гражданские обязанности [Кострица 1984, 20–21]), но может также связываться с необходимостью бережного отношения к богатствам родного края (например, [Востриков, Востриков, Дудоров, Шептуховский 1990]).

Важную роль в эмоциональном наполнении образа малой родины приобретает история, знание о которой должно формировать чувство принадлежности к родному краю и гордости за него. В следующем разделе мы обратимся к анализу того, как конструируется повествование об истории. Однако здесь хотелось бы отметить важную особенность анализируемых пособий, которая заключается в слабой представленности дискурса об историческом наследии. В отличие от упомянутой выше темы охраны природы, которая раскрывается и в указаниях на природные богатства региона, и в рассказах о природных достопримечательностях, превращенных в курорты и санатории, учебные пособия нечасто — в сравнении с современными пособиями — обращаются к теме памятников истории и культуры. Достаточно редко встречаются тексты, посвященные каким-либо памятникам и заповедным местам, немногочисленны и фотографии соответствующих объектов²³. Создается впечатление, что географическая и пространственная привязка исторического опыта, которая небезосновательно (хотя и часто не вполне корректно), связывается сегодня с понятием «место памяти», оказывается в этом корпусе текстов не востребовавшей. Таким образом, можно сказать, что процессы развития туризма и системы охраны культурного наследия, о которых шла речь выше, весьма опосредованно отразились на содержании этих пособий. Редко упоминаются в них и краевые музеи, которые в сталинское время были главными краеведческими институциями, а в 1950-е гг. достаточно часто изображались на сувенирных открытках. Если же речь идет о достопримечательностях, то это чаще всего памятники, связанные

с революционной и советской историей (о значимости этих памятников для советской исторической культуры см.: [Deschepper 2024])²⁴. Тексты пособий опираются прежде всего на рассказ о событиях, именах и процессах, заданных господствующим в это время историческим нарративом.

б) история родного края

Исторический нарратив анализируемых нами краеведческих книг в целом ориентируется на модель «рассказов из отечественной истории». Как и пособия в целом, их историческая часть строится по единой модели, но, конечно, допуская вариации в ее представлении.

Соблюдая хронологическую последовательность событий, авторы учебников реализуют стратегию, которую вслед за Й. Рюзенем можно описать как критическую. Центральная особенность такого типа повествования — постулирование разрыва между различными историческими состояниями; критика предшествующего исторического состояния и манифестация необходимости построения нового типа идентичности [Rüsen 1987]. Досоветская история описывается в первую очередь как набор негативных примеров, которому противопоставлен позитивный опыт советской истории. Тем не менее дискурс о «ценности древности» в учебниках этого периода присутствовал, и его наиболее яркой манифестацией можно считать рассказы о роли тех или иных регионов и городов в формировании русского государства²⁵. Однако, как будет показано далее, эти сюжеты занимают далеко не главное место в краеведческих повествованиях.

В большинстве краеведческих пособий отдельные параграфы объединены в смысловые блоки («главы» или «разделы»), из их названий можно восстановить стандартную структуру исторического нарратива, которая в целом характерна для советских учебников. Повествование обычно состоит из семи блоков: «древность / далекое прошлое края», «разложение крепостничества», «становление капитализма и борьба трудящихся», «установление советской власти», «успехи первых пятилеток», «край во время Великой Отечественной войны», «послевоенное строительство коммунизма». Соответствующие акценты расставляются уже в предисловиях: «В этой книге рассказывается о Тульском крае, его природе и истории, о борьбе трудящихся против угнетателей за власть Советов, об успехах в труде и о создании тех богатств, которыми пользу-

Рис. 2. Структура исторического нарратива в краеведческих пособиях

ешься и ты» [Пеньков, Стекунов 1975, 3]. «[В книге] ты узнаешь о том, какие события истории происходили в крае, в котором ты живешь, в прошлом, как курыне строили социализм, отстаивали независимость Родины от внешних врагов, какие задачи область решает сегодня, какова ее природа, климат, растительный и животный мир» [Архипова 1978, 3].

Подобное разделение воспроизводится практически везде, вне зависимости от региона. Наименее «формализованным» из названных разделов являются те, что посвящены периоду между отменной крепостного права и февральской революцией, за которым не закреплено единой номинации. В то время как одни авторы делают акцент на сюжетах «революционной борьбы трудящихся масс» («Край наш Тульский», «Город на Неве», «Амурская область прежде и теперь» и др.), другие используют язык экономической истории, описывая его как время «становления капитализма/империализма» («Край наш Орловский», «История нашего края» (Воронеж), «Наш любимый край»). В некоторых пособиях («История Кузбасса», «История Алтайского края», «Край наш Пензенский») эти темы комбинируются, благодаря чему увеличивается гетерогенность текстов. В этих разделах даются не только обобщенные характеристики «положения рабочего класса», но и описываются действия конкретных инициаторов революционной борьбы в крае. Иллюстрацией служат фотографии «героев революции», причем часто эти изображения становятся первыми портретными фотографиями в учебнике в целом.

Для того чтобы получить более объективное представление о том, как расставлены смысловые акценты в описании истории

«родного края» и какие периоды и события получают более детальную характеристику, мы предприняли попытку выяснить, сколько процентов от всего текста учебника (или его исторической части) занимает каждый концептуальный блок (рис. 2). Если разделение на блоки отсутствовало, мы искусственно объединяли параграфы, ориентируясь на то, как разделы со схожими темами объединены в других учебниках, что в условиях стандартизированного исторического нарратива не вызывало проблем²⁶. Мы выделили несколько особенностей, которые характерны для большинства анализируемых пособий.

В первую очередь можно говорить о том, что исторические учебники (несколько парадоксально) концентрируются на описании недавнего прошлого, настоящего и, иногда, будущего (когда в последних параграфах речь идет о планах по преобразованию региона). В наиболее специфических случаях советская история региона может занимать до 80 % от всего текста, но более распространена ситуация, при которой советской истории уделяется около 60 %. Зачастую наиболее объемным является раздел, посвященный послевоенной истории, в котором описывается процесс восстановления региона и успешное «строительство социализма». Любопытно, что внимание к советской истории характерно и для тех пособий, которые тяготеют к полюсу природоведения и не содержат исторических разделов. Главы, рассказывающие о природе и почвах региона, упоминающие строительство новых заводов и развитие сельского хозяйства, во многом содержательно схожи с главами о «послевоенном строительстве коммунизма» в «исторических» пособиях [Колмогоров, Дремина 1963, 34–39; Данилов 1980, 6–10].

Можно предположить, что подобному уклону в современность содействовала и система выпуска этих книг. Одним из наиболее очевидных способов их обновления при переиздании становилось дописывание нового параграфа о том, что произошло в регионе с момента предыдущей публикации. Об этом свидетельствует пример впервые вышедшего в свет в 1968 г. пособия «История Воронежской области» [Загоровский, Олейник, Шуляковский 1968]. В переиздании 1976 г. [Загоровский, Олейник, Шуляковский 1976] был добавлен 11-страничный параграф «Воронежская область на новых рубежах», что увеличило и без того немалый рассказ о советском периоде в истории области. При этом доля текста, посвященного дореволюционному прошлому, неизбежно сокращалась.

Тем не менее на наш взгляд основные причины внимания к современности в краеведческих учебниках носят в первую очередь концептуальный характер. Как было упомянуто выше, сами авторы учебных пособий артикулируют свою задачу как рассказ о «борьбе против угнетателей», «строительстве социализма» и «создании тех богатств», которыми пользуется учащийся. Часто они напрямую обращаются к читателю (ученику школы), призывая его последовать примеру предыдущих поколений, которые «создали села и города, построили заводы и фабрики, вырастили сады и зеленые насаждения» [Колесниченко 1968, 5], и тем самым доказать свою любовь к «малой Родине». «Нашей молодежи есть чему поучиться у прежних поколений тружеников и борцов. Вот почему каждый школьник должен знать основные события из прошлого и настоящего края» [Осьминский 1969, 4]. Показательно, что и среди изображений, вынесенных на обложку учебных пособий для репрезентации территории региона, преобладают модернизированные пейзажи советских городов или деревень. В случаях, когда в качестве титульного изображения выбирается кремль или другое старинное сооружение, его часто уравнивают образами советского ландшафта («Наш край Псковский», «Край Пензенский»).

Последние главы пособий, посвященные участию региона в Великой отечественной войне и последующему «строительству социализма», являются наиболее детальными. Наряду с характеристикой экономических и культурных достижений авторы описывают биографии первых строителей социализма, которые предстают образцами для подражания, и сегодняшних наследников революционеров. В некоторых случаях биография структурирована как диалог автора-составителя учебника и отличившегося регионального деятеля. Риторически подчеркивается, что ученики могут встретиться с этими людьми в реальной жизни и что на них «необходимо равняться». Например, в конце параграфа о героях социалистического труда, авторы учебника «Край наш Орловский» предлагают школьникам организовать встречу с одним из передовиков производства [Кострица 1984, 70]. Наряду с записыванием воспоминаний участников революционного движения это одна из немногих форм активности, предполагаемых для школьников краеведческим пособием.

Характерно, что в этих разделах практически полностью отсутствуют сюжеты, связанные с разными формами несогласия с советской властью и рассказы о «предателях», «врагах народа», «шпионах». Иногда упоминаются «кулаки» («Край Пензенский»,

«Край Орловский»), противостоящие созданию колхозов, однако, как выразился один из авторов, «кропотливая разъяснительная работа [партии] с людьми приносила положительные результаты» [Там же, 43]. Показателен случай пособия «Край Пензенский», в котором в разделе о Гражданской войне описывается биография Михаила Тухачевского, заканчивающаяся словами: «В мирное время М. Н. Тухачевский всю свою жизнь посвятил строительству и укреплению мощи Красной Армии, росту военному искусству. Ему одному из первых было присвоено звание Маршала Советского Союза» [Кулагин 1975, 57].

Подчеркиваемый таким образом поступательный характер строительства социализма оттеняется описанием «свинцовых мерзостей» жизни в дореволюционной России. Продолжая традиции, заложенные раннесоветской культурой (и в том числе так называемыми «рабочими книгами» 1920-х гг.), авторы позднесоветских пособий живописуют ситуации угнетения и низкий уровень жизни крестьян и рабочих. «Жизнь рабочих на них (заводах — Б. С., С. К.) была тяжелой. Работали двенадцать часов в день, а жили впроголодь... Донимали рабочих и штрафами. Штрафовали за разговоры во время работы, за курение. <...> Жалкие жилища рабочих лепились на краю оврагов» [Колесниченко 1968, 20]. «Трудились [рабочие] по 14 часов в сутки. Получали за это мизерную плату. А женщины и подростки — и того меньше. <...> Жили рабочие в фабричных казармах или каморках, как их тогда называли. ...нередко спали на фабрике у станков» [Востриков, Востриков, Дудоров, Шептуховский 1990, 11]. Однако в некоторых случаях авторы используют более нейтральный язык, противопоставляя успехи в освоении территории в XX в. неразвитости ландшафтов региона в досоветский период (рис. 3, 4).

Заключение

Проанализированный корпус краеведческих учебников можно считать одним из ярких проявлений произошедшего в послевоенный период возрождения краеведения. В ходе этого процесса были реабилитированы связанные с краеведением педагогические поиски 1920-х гг. Опыт 1920-х гг. стал одним из ориентиров развернувшейся на рубеже 1950-х — 1960-х гг. реформы школьного образования, происходившей под знаком сближения школы и жизни. Однако сам формат этих учебных пособий свидетельствует о рутинизации самой идеи краеведения как осмысления локальной специфики ре-

Рис. 3. Противопоставление дореволюционного и советского ландшафтов в краеведческом пособии: Медведев Е., Виданов М. Край родной, навек любимый. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1975

Рис. 4. Противопоставление дореволюционного и советского ландшафтов в краеведческом пособии: Медведев Е., Виданов М. Край родной, навек любимый. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1975

гиона. Следование программам школьных предметов шло вразрез с характерными для раннесоветской школы идеями комплексного преподавания, что подтверждается и оценками исследователей регионального компонента в историческом образовании. Критикуя позднесоветскую школьную краеведческую литературу, они указывали на жесткую привязку к навязывавшейся центром схеме преподавания истории, догматически воспроизводившей идеологические постулаты [Вяземский, Стрелова 2008]. Специфика развития региона, как и особая конфигурация локального культурного наследия, не могли получить адекватного выражения.

В отличие от дореволюционных и раннесоветских пособий, позднесоветские учебники опираются на сложившийся и утвердившийся дискурс краеведения. При этом, в отличие от аналогичных пособий 1920-х гг., край с самого начала описывается как часть СССР²⁷, а его история предстает как производная общего советского исторического нарратива. Они предвосхищают утверждение истории как преимущественного поля краеведческой рефлексии в публичном пространстве, которое будет происходить начиная с эпохи перестройки. При этом будучи в значительной мере привязаны к программам преподавания исторических курсов, позднесоветские пособия в очень малой мере задействуют дискурс наследия, который играет ключевую роль в современных практиках локализации истории и конструирования образов регионов.

Исторические нарративы краеведческих пособий оказываются в довольно высокой степени соотнесёнными с модернизационным проектом²⁸. Будучи сосредоточенными на периодах недавней истории, эти повествования локальными примерами иллюстрируют общие процессы классовой борьбы и становления советского строя. Таким образом, конструкция патриотизма преимущественно связана с акцентом не на славном прошлом, но на героическом настоящем, на движении к социализму и событиях и фигурах, которые воплощают в себе это движение. Однако причастность к этому движению конструируется в основном средствами традиционного для советской историографии нарратива. Пособия отводят читателю роль пассивного потребителя знания, в достаточно малой степени указывая на возможности активного освоения материала и взаимодействия с окружающей средой.

Примечания

- ¹ Авторы благодарят двух анонимных рецензентов за внимательное отношение к тексту статьи и рекомендации по его доработке.
- ² Между тем, вопрос приобретает специфическую актуальность в связи с инициированной президентом РФ разработкой новых стандартов преподавания региональной истории. См. напр.: [Ушакова 2022].
- ³ В частности, нельзя не отметить недавний выпуск «Детских чтений», посвященный репрезентации географии в детской литературе, и особенно статьи Е. Казаковой, Ю. Подлубновой и других авторов этого номера.
- ⁴ Примером доминирующего подхода может служить работа М. Солоновича [Солонович 2021].
- ⁵ Систематизация этого корпуса представляет собой дополнительную задачу. В частности, требует исследования вопрос о существовании такого рода литературы в ряде субъектов, входивших в РСФСР (таких как Республика Коми, Тыва, Алтай, Хакасия и Бурятия, Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область), о количестве переизданий этих работ и т. д.
- ⁶ В изученном нами корпусе преобладают учебники, посвященные краю, однако встречаются и пособия, описывающие конкретный город. Об образе города в позднесоветских учебниках см.: [Степанов 2023].
- ⁷ Характерно, что краеведческих пособий по истории республик Кавказа за данный период нами практически не найдено (исключение — Дагестан).
- ⁸ О двойственном статусе краеведения в 1930-е гг. см. в упомянутой выше статье В. Ф. Козлова [Козлов 2013].
- ⁹ Последний стал автором одной из первых работ, систематически описывающих концепцию школьного краеведения.
- ¹⁰ О борьбе с формализмом в послевоенной школе см.: [Майофис 2015]. Показательно, что возрождение краеведения происходило в значительной мере в форме описываемого М. Майофис «собираания опыта» [Майофис 2015].
- ¹¹ Использование локальных сюжетов в рамках тех или иных курсов оставалось в компетенции учителя. Соответствующие рекомендации выпускались в методических пособиях (см. напр.: [Ставровский 1954]) или сборниках докладов и статей, в которых педагоги обменивались опытом.
- ¹² Здесь можно увидеть перекличку с образом «следопыта», который на материале уральского краеведения описывает Ю. Подлубнова [Подлубнова 2024].
- ¹³ В это время появляются книжные серии для юных краеведов. Так, например, вышедшая в 1961 г. книга «Край наш Ярославский» аннотирована как первая книга серии «Юному краеведу» Ярославского книжного

- издательства. На рубеже 1960–1970-х гг. Архангельская детская библиотека выпускает серию «По городам нашей области. Знай и изучай свой край» и т. д.
- ¹⁴ В 1959 г. Министерством культуры РСФСР было утверждено «Положение о краеведческой работе областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек».
- ¹⁵ 1960-е гг. стали временем роста количества краеведческих музеев. См. об этом, например: [Донован 2012, 384].
- ¹⁶ Многие из наших наблюдений подтверждаются и доступными нам историографическими реконструкциями практик школьного преподавания региональной истории. См. напр.: [Гибатдинов, 2003].
- ¹⁷ В дальнейшем преподавание природоведения осуществлялось со 2-го по 4-й класс.
- ¹⁸ Краеведческие курсы проводились в школе также в качестве факультативов. См. об этом: [Щепляева 1972].
- ¹⁹ «Краем» могут называться не только конкретные административные единицы (области и края), но и более масштабные территории, а границы «края» существенным образом зависят от исторического периода, о котором идет речь в главах пособия: «древность» и «средние века» обычно посвящены общей истории территории (Поволжья, Сибири, Дальнего Востока), а в последующих главах происходит локализация «края» до границ конкретных административных единиц. Так, например, в учебнике по истории Кемеровской области разделы о «древности» и «средних веках» посвящены Сибири в целом, а локализация в границах «Кузбаса» происходит к главе о «разложении крепостничества» (аналогичным образом дело обстоит в других учебниках по истории Поволжья, Уральских, Сибирских, Дальневосточных регионов). См. об этом: [Кащоба 1993].
- ²⁰ Можно было указать и на другие отличия от раннесоветских учебников, например такие как отказ от календарного принципа организации материала, использование единого нарративного стиля и т. д.
- ²¹ В этом отношении пособия перекликаются с упомянутыми выше централизованными туристическими инициативами, направленными на воспитание патриотизма.
- ²² Для сравнения отметим, что аналогичные дореволюционные пособия назывались достаточно нейтрально (напр. «Краткое описание Олонецкой губернии (родиноведение)»). Редкий пример более близкого к анализируемому здесь изданиям находим в пособии П. А. Критского «Наш край: Ярославская губерния — опыт родиноведения» [Степанов 2021]. Учебники 1920-х гг. создавались в рамках учебных планов, которые были принципиально ориентированы на реализацию краеведческого подхода. При этом они далеко не всегда апеллировали к краю, их названия носили достаточно нейтральный характер (например, «Наш город», «Наша деревня»), а могли и вовсе не иметь локальной привязки

- («На новых путях», «Городским ребятам», «Красная зорька», «Своими силами» и т. д.) [Степанов 2022].
- ²³ В качестве исключений можно привести пособие о Псковской области, где есть глава о музее-заповеднике «Михайловское» («Пушкинский заповедник»), который представлен как памятник природы [Данилов 1980, 35–36], или пособие о Пензенской области, акцентирующее внимание школьников на зданиях, связанных с жизнью М. Лермонтова и В. Белинского [Кулагин 1975, 28–30].
- ²⁴ В одном из самых поздних среди рассматриваемых нами пособий, изданном в 1990 г. в Иваново, уже можно найти даже перечень значимых для города революционных памятников [Востриков, Востриков, Дудоров, Шептуховский 1990, 120–121].
- ²⁵ Изображения связанных с этими событиями памятников иногда могут выноситься на обложку книги.
- ²⁶ Мы исключили из этого анализа пособия, структура которых отклоняется от сложившейся схемы — а именно те, в которых отсутствовали исторические разделы или рассказывалось только об отдельных исторических периодах (например, только об истории региона после октябрьской революции [см. например: Филиппов 1963]).
- ²⁷ Таким образом, мы здесь можем говорить об определенной контаминации предшествующих моделей географического воображения, которые условно можно назвать «родиноведческой» и «страноведческой». Ср. об этом: [Казакова 2024].
- ²⁸ Это перекликается с выводом, который делает В. Донован в статье о краеведческих музеях [Донован 2012]. Ср. также: [Камаева 2024].

Литература

Источники

- Архипова 1978 — Архипова Т. И. Край наш Курский. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976.
- Востриков, Востриков, Дудоров, Шептуховский 1990 — Востриков С. Я., Востриков И. Я., Дудоров В. В., Шептуховский М. В. Наш любимый край. Иваново: Верхне-Волжское книжное издательство, 1990.
- Данилов 1980 — Данилов Н. А. Наш край Псковский. Ленинград: Лениздат, 1980.
- Ефремов, Калинин, Юньев 1959 — Ефремов Ю. К., Калинин Ф. П., Юньев И. С. Значение краеведения для советской географии. Л.: ГО СССР, 1959. (Материалы к III Съезду Географического общества СССР. Доклады по проблеме: Состояние географии в средней и высшей школе в связи с реформой среднего и высшего образования).

Загоровский, Олейник, Шуляковский 1968 — Загоровский В. П., Олейник Ф. С., Шуляковский Е. Г. История нашего края. 2-е изд. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1968.

Загоровский, Олейник, Шуляковский 1976 — Загоровский В. П., Олейник Ф. С., Шуляковский Е. Г. История Воронежской области. 3-е изд. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976.

Иванов 1966 — Иванов П. В. Педагогические основы школьного краеведения. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1966.

Изучай свой край. Книга юного краеведа 1951 — Изучай свой край: Книга юного краеведа / науч. ред. проф. С. В. Обручев. Л.: Молодая гвардия, 1951.

Колесниченко 1968 — Колесниченко В. С. Родная земля Волгоградская. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1968.

Колмогоров, Дремина 1963 — Колмогоров Г. П., Дремина Ю. Д. Наш край родной. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963.

Кострица 1984 — Кострица А. Ф. Край наш Орловский. Тула: Приокское книжное издательство, 1984.

Кулагин 1975 — Кулагин П. Г. Край Пензенский. Пенза: Приволжское книжное отделение, 1975.

Лебедева 1981 — Город на Неве / сост. И. М. Лебедева. Л.: Лениздат, 1981.

Матрусов 1963 — Матрусов И. С. Краеведение и краеведческий подход в преподавании географии // Краеведение и краеведческий подход в преподавании географии: сб. статей / под ред. И. С. Матрусова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. С. 7–27.

Медведев, Виданов 1975 — Медведев Е., Виданов М. Край родной, навек любимый. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1975.

Обзор 1965 — Обзор школьных краеведческих пособий по географии, выпущенных издательствами РСФСР в 1963–1965 гг. М.: Росглавиздат, 1965.

Осьминский 1969 — Осьминский Т. И. Наш край в истории СССР. 2-е изд. Вологда: Вологодское отделение Северо-Западного книжного издательства, 1969.

Пеньков, Стекунов 1975 — Пеньков В., Стекунов С. Край наш Тульский. Тула: Приокское книжное издательство, 1975.

Справочник путешественника и краеведа 1949–1950 — Справочник путешественника и краеведа. Т. 1–2 / под ред. С. В. Обручева. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949–1950.

Ставровский 1954 — Ставровский А. Е. Краеведческая работа в школе. М.: Учпедгиз, 1954.

Строев 1974 — Строев К. Ф. Краеведение. М.: Просвещение, 1974.

Ушакова 2022 — Ушакова А. В российских школах появится единый подход к преподаванию истории родного края // Учительская газета: независимое педагогическое издание: [электронное издание]. 2022. 17 окт. <https://ug.ru/v-rossijskih-shkolah-poyavitsya-edinuj-podhod-k-prepodavaniyu-istorii-rodnogo-kraja>.

Филиппов 1963 — Филиппов С. М. Из истории Курского края. Курск: Курское книжное издательство, 1963.

Цепляева 1972 — Цепляева Н. В. Факультатив по краеведению: (Дореволюционный период). Магадан: Кн. изд-во, 1972.

Юньев 1966 — Юньев И. С. Беседы о краеведении. М.: Знание, 1966.

Юньев 1974 — Юньев И. С. Краеведение и туризм. М.: Знание, 1974.

Исследования

Волкова 1988 — Волкова Е. И. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1941–1961 гг. / [Е. И. Волкова, Т. А. Маркова, В. В. Реутова и др.]. М.: Педагогика, 1988.

Вяземский, Стрелова 2008 — Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Национально-региональный компонент исторического образования: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2008.

Гибатдинов 2003 — Гибатдинов М. М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань, 2008.

Дианова 2009 — Дианова Е. В. Школьное краеведение Карелии в 1950–1970-е гг. // Краеведческие чтения: Материалы II научной конференции: (16 мая 2008 г.) / сост. Н. П. Новикова. Петрозаводск: Национальная библиотека республики Карелия, 2009. С. 73–82.

Донован 2012 — Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. №. 16. С. 379–402.

Казакова 2024 — Казакова Е. Обживание и разграничение: идеологические подходы в советской детской географической литературе и учебной картографии 1920–1930-х годов // Детские чтения. 2024. № 2(26). С. 54–80. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-2-26-54-80.

Камаева 2024 — Камаева Ю. Изображение города в советских альбомах и путеводителях 1960-х — 1970-х годов по Золотому Кольцу // Historicity: городские исследования и история современности / под ред. Б. Е. Степанов, К. А. Левинсон, О. Н. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 273–296.

Кацюба 1993 — Кацюба Д. В. Теория и практика исторического краеведения в школе и вузе: автореф. дис.... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Челябин. гос. ун-т. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 1993.

Козлов 2013 — Козлов В. Ф. «Огосударственное» краеведение. История и уроки: (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 53–83.

Любичанковский 2020 — Любичанковский С. В. Эволюция места исторического краеведения в советской школе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2, № 1(5). С. 64–70. DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-64-70.

Майофис 2015 — Майофис М. Л. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / ред. И. В. Кукулин, М. Л. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 35–105.

Матханова, Родигина 2018 — Матханова Н. П., Родигина Н. Н. «Да хорошо ли мы знаем ту крохотную частичку земли, на которой сами живем?»: учебник по родиноведению М. В. Загоскина (1870 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 29–41.

Мельникова 2018 — Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 19–53. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53.

Орлова 2007 — Орлова Г. А. За строкою учебника: картографическая политика и советская школа в 1930-е гг. // Учебный текст в советской школе: сб. статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 77–103.

Паначин 1987 — Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961–1986 гг.) / [М. Н. Колмакова, Н. Н. Кузьмин, С. Э. Карклина и др.]; отв. ред. Ф.Г. Паначин. М.: Педагогика, 1987.

Подлубнова 2024 — Подлубнова Ю. «Нам не нужен вымысел»: концепция и содержательные особенности серии «уральская библиотека занимательного краеведения» (1936–1939) // Детские чтения. 2024. № 2(26). С. 129–148. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-2-26-129-148.

Солонович 2021 — Солонович М. А. Методологии и практики государственного, общественного и школьного краеведения в СССР (1917–1991 гг.). Питигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2021.

Степанов 2021 — Степанов Б. Е. Конструирование образа города в учебниках по родиноведению (1870-е – 1910-е годы) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т. 1, № 2. С. 112–129.

Stepanov 2022 — Степанов Б. Е. «Воспитание городом»: урбанистическое воображение в школьных учебниках 1920-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 152–163. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-4-152-163.

Stepanov 2023 — Степанов Б. Е. «Тынду быстро на карте найдете...»: позднесоветское школьное краеведение и образы города в учебной литературе // Диалог со временем. 2023. № 83. С. 294–309.

Caroli 2022 — Caroli D. Top-down Verbal Messaging: Textbooks // Media and Communication in the Soviet Union (1917–1953): General Perspectives / eds. K. Postoutenko, A. Tikhomirov, D. Zakharine. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 375–387.

Carrier 2018 — Carrier P. The nation, nationhood and nationalism in textbook research from 1951 to 2017 // The Palgrave handbook of textbook studies / eds. E. Fuchs & A. Bock. New York: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 181–198.

Coumel 2014 — Coumel L. « Rapprocher l' école et la vie »? Une histoire des réformes de l' enseignement en Russie soviétique (1918–1964). Toulouse: Presses universitaires du Mirail; Méridiennes-FRAMESPA, 2014.

Deschepper 2024 — Deschepper J. The Golden Age of Soviet Heritage: An Alternative Presentism? // Time and Material Culture: Rethinking Soviet Temporalities / eds. Deschepper J., Kalashnikov A., Rossi F. Taylor & Francis, 2024. Pp. 55–74.

Oushakine 2013 — Oushakine S. A. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. No. 1. Pp. 269–302.

Reddy 1997 — Reddy W. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. №. 3. Pp. 327–351. DOI: 10.1086/204622.

Rüsen 1987 — Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. 1987. No. 4. Pp. 87–97.

Tsyrlina-Spady, Lovorn 2017 — Tsyrlina-Spady T., Lovorn M. Emotional, Moral, and Symbolic Imagery of Modern History Textbooks // Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education / Eds. M. Carretero et al. Palgrave, 2017. Pp. 697–713.

References

Caroli 2022 — Caroli, D. (2022). Top-down Verbal Messaging: Textbooks. In K. Postoutenko, A. Tikhomirov, D. Zakharine (Eds.), Media and Communication in the Soviet Union (1917–1953): General Perspectives (pp. 375–387). Cham: Springer International Publishing.

Carrier 2018 — Carrier, P. (2018). The nation, nationhood and nationalism in textbook research from 1951 to 2017. In E. Fuchs & A. Bock (Eds.), The

Palgrave handbook of textbook studies (pp. 181–198). New York: Palgrave Macmillan.

Coumel 2014 — Coumel, L. (2014). « Rapprocher l'école et la vie »? Une histoire des réformes de l'enseignement en Russie soviétique (1918–1964). Toulouse: Presses universitaires du Mirail; Méridiennes-FRAMESPA.

Dianova 2009 — Dianova, E. V. (2009). Shkol'noe kraevedenie Karelii v 1950–1970-e gg. [School local studies of Karelia in the 1950s–1970s]. In N. P. Novikova (Ed.), Kraevedcheskie chteniya. Materialy II nauchnoj konferencii. (16 maya 2008 g.) [Local History Readings: Proceedings of the II Scientific Conference: (May 16, 2008)] (pp. 73–82). Petrozavodsk: Nacional'naya biblioteka respubliky Kareliya.

Deschepper 2024 — Deschepper, J. (2024). The Golden Age of Soviet Heritage: An Alternative Presentism? In J. Deschepper, A. Kalashnikov, F. Rossi (Eds.), Time and Material Culture: Rethinking Soviet Temporalities (pp. 55–74). London: Taylor & Francis.

Donovan 2012 — Donovan, V. (2012). “Idya nazad, shagaem vpered”: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoj pamyati v Severo-Zapadnom regione, 1956–1981 [‘Going backwards, stepping forwards’: local history museums and the creation of local memory in the North West Region, 1956–1981]. Antropologicheskij forum, 16, 379–402. (In Russian).

Gibatdinov 2003 — Gibatdinov, M. M. (2008). Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshheobrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost' [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in secondary school: history and modernity]. Kazan'.

Kacyuba 1993 — Kacyuba, D. V. (1993). Teoriya i praktika istoricheskogo kraevedeniya v shkole i vuze [Theory and practice of historical local studies in schools and universities] (doctoral dissertation). Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.

Kazakova 2024 — Kazakova, E. (2024). Obzhivanie i razgranichenie: ideologicheskie podhody v sovetskoj detskoj geograficheskoy literature i uchebnoj kartografii 1920–1930-h godov [Surrounding and delimiting: ideological approaches in soviet children's geographical literature and educational cartography of the 1920s and 30s]. Detskie chtenia, 2(26), 54–80. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-2-26-54-80.

Kamaeva 2024 — Kamaeva, Ju. (2024). Izobrazhenie goroda v sovetskikh al'bomah i putevoditeljah 1960-h — 1970-h godov po Zolotomu Kol'cu [Image of the city in Soviet albums and guidebooks of the 1960s — 1970s on the Golden Ring]. In B. E. Stepanov, K. A. Levinson, O. A. Zaporozhec (Eds.), Historicity: gorodskie issledovaniya i istoriya sovremennosti [Historicity: Urban Studies and Modern History] (pp. 273–296). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kozlov 2013 — Kozlov, V. F. (2013). “Ogosudarstvennoe” kraevedenie. Istoriya i uroki (po stranicam zhurnala “Sovetskoe kraevedenie”. 1930–1936)

[‘Ogostate’ local studies. History and Lessons (from the pages of the magazine ‘Soviet Local Lore’. 1930–1936)]. Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya, 9, 53–83.

Lyubichankovskij 2020 — Lyubichankovskij, S. V. (2020). Evolyuciya mesta istoricheskogo kraevedeniya v sovetской shkole [The Evolution of the Place of Local History in the Soviet School Curriculum]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki, 2, 1, 64–70. DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-64-70.

Maiofis 2015 — Maiofis, M. L. (2015). Predvestiya “ottepeli” v sovetской shkole noj politike pozdnestalinskogo vremeni [Harbingers of the “Thaw” in Soviet School Policy in the Late Stalin Period]. In I. V. Kukulin, M. L. Majofis, P. Safronov (Eds.), Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i social’noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e) [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. (pp. 35–105). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Mathanova, Rodigina 2018 — Mathanova, N. P., Rodigina, N. N. (2018). “Da horosho li my znaem tu krohotnuyu chastichku zemli, na kotoroj sami zhivem?”: uchebnik po rodinovedeniyu M. V. Zagoskina (1870 god) [“How well do we know that tiny piece of land on which we live?”: M. V. Zagoskin’s textbook on homeland studies (1870)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya, 1(17), 29–41. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-1-29-41.

Mel’nikova 2018 — Mel’nikova, E. A. (2018). Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-h gg. v SSSR [By the People’s hands: the Sledopyt Movement In the USSR of the 1960–1980s]. Antropologicheskij forum, 37, 19–53. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53.

Orlova 2007 — Orlova, G. A. (2008). Za strokoyu uchebnika: kartograficheskaya politika i sovetская shkola v 1930-e gg. [Behind the textbook: cartographic policy and the Soviet school in the 1930s]. In S. G. Leont’eva, K. A. Maslinsky (Eds.), Uchebnyj tekst v sovetской shkole [Educational text in the Soviet school: collection of articles] (pp. 77–103). St. Petersburg, Moscow: Institut logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti.

Oushakine 2013 — Oushakine, S. A. (2013). Remembering in Public: On the Affective Management of History. Ab Imperio, 1, 269–302. DOI: 10.1353/imp. 2013.0000.

Panachi 1987 — Panachin, F. G. (Ed.). (1987). Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR (1961–1986 gg.) [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR (1961–1986)]. Moscow: Pedagogika.

Podlubnova 2024 — Podlubnova, Ju. (2024). “Nam ne nuzhen vymysel”: koncepcija i soderzhatel’nye osobennosti serii “ural’skaja biblioteka zanimatel’nogo kraevedeniya” (1936–1939) [“We don’t need fiction”: concept and content

features of the book series “the Ural library of entertaining regional studies” (1936–1939)]. *Detskie chtenia*, 2(26), 129–148. DOI: 10.31860/2304-5817-2024-2-26-129-148.

Reddy 1997 — Reddy, W. (1997). Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions. *Current Anthropology*, 3, 327–351. DOI: 10.1086/204622.

Solonovich 2021 — Solonovich, M. A. (2021). Metodologii i praktiki gosudarstvennogo, obshchestvennogo i shkol'nogo kraevedeniya v SSSR (1917–1991 gg.) [Methodologies and Practices of State, Public and School Local History in the USSR (1917–1991)]. Pyatigorsk: Reklamno-informacionnoe agentstvo na Kavminvodah.

Stepanov 2021 — Stepanov, B. E. (2021). Konstruirovaniye obraza goroda v uchebnikah po rodinovedeniyu (1870-e–1910-e gody) [Representation of the City in Rodinovedenie Textbooks (1870s–1910s)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 1, 2, 112–129.

Stepanov 2022 — Stepanov, B. E. (2022). “Vospitanie gorodom”: urbanisticheskoe vobrazhenie v shkol'nykh uchebnikah 1920-h godov [“Education by the City”: Urban Imagination in School Textbooks the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 59, 4, 152–163. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-4-152-163.

Stepanov 2023 — Stepanov, B. E. (2023). “Tyndu bystro na karte najdete...”: pozdnesovetskoye shkol'noye kraevedenie i obrazy goroda v uchebnoy literature [“You Will Quickly Find Tynda on the Map...”: Late Soviet School Local Studies and Images of the City in Educational Literature]. *Dialog so vremenem*, 83, 294–309.

Tsyrlina-Spady, Lovorn 2017 — Tsyrlina-Spady, T., Lovorn, M. (2017). Emotional, Moral, and Symbolic Imagery of Modern History Textbooks. In M. Carretero (Ed.), *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 697–713). Palgrave.

Ushakova 2022 — Ushakova, A. (2022). V rossijskikh shkolah pojavitsja edinyj podhod k prepodavaniju istorii rodnogo kraja [A unified approach to teaching the history of the native land will appear in Russian schools]. *Uchitel'skaja gazeta* (electronic edition). 17.10.2022. Retrieved from: <https://ug.ru/v-rossijskikh-shkolah-poyavitsya-edinyj-podhod-k-prepodavaniju-istorii-rodnogo-kрая>.

Volkova 1988 — Volkova, E. I. (Ed.). (1988). *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR, 1941–1961 gg.* [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, 1941–1961s]. Moscow: Pedagogika.

Vyazemskij, Strelova 2008 — Vyazemskij, E. E., Strelova, O. Y. (2008). *Nacional'no-regional'nyj komponent istoricheskogo obrazovaniya: posobie dlya uchitelya* [National-Regional Component of History Education: Teacher's Manual]. Moscow: Prosveshchenie.

Boris Stepanov

Nanterre University; ORCID: 0000-0003-2072-3102

Svyatoslav Kostenko

Higher School of Economics (Cultural Studies), National Research
University Higher School of Economics; ORCID: 0009-0006-3690-6199

‘THIS IS ALL MINE, MY HOMELAND’: TEXTBOOKS AND
SCHOOL LOCAL STUDIES OF THE 1960S–1980S

Kraevedenie (local studies), as a practice of local knowledge production, has been unevenly researched. To address the lack of research on school-based local studies, the authors turn to a comparative analysis of a corpus of local studies manuals for secondary schools published between the 1960s and 1980s. The analysis begins by examining the relationship between the rehabilitation of local studies in the post-war period and the transformations in school education. Combining qualitative and quantitative research methods, the authors characterize the formation of the corpus of local history teaching aids and investigate how narratives about the region and its history are constructed. Relying on the image of a great country formed by Soviet school cartography, local history textbooks of this period develop the discourse of a ‘small homeland’, emphasising the role of the region attachment in citizens’ emotional belonging. Unlike their pre-revolutionary and early Soviet counterparts, these manuals focuses primarily on the historical narrative of the region. This narrative makes relies minimally on the discourse of heritage and concentrates not on antiquity but on heroic modernity. These manuals are also poorly embedded in the system of local history institutions and practices and equipped with references to opportunities for active learning of local material and interaction with the environment.

Keywords: textbook studies, local history, secondary education, late Soviet period, image of region, historical narrative, modernity, heritage